

Пахомчик Михаил Александрович

Pakhomchik Mikhail Aleksandrovich

юрисконсульт ООО «Герефорд»

Legal Counsel, Gereford LLC

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
ОЦЕНКИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ
РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-
РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****PROBLEMS OF CRIMINAL
LEGAL ASSESSMENT OF
THE FALSIFICATION OF INVESTIGATIVE
ACTIVITIES RESULTS****Аннотация:**

Тема фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности актуальна ввиду относительно недавнего выделения ее в специальный состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. В работе перечислены основные проблемы рассматриваемого состава преступления, указывающие на широкие возможности оптимизации законодательства. Проблематика статьи касается буквального толкования понятия фальсификации, понимания цели данного преступления, соотношения его с иными составами преступлений, соотношения формы и содержания полученных результатов оперативно-разыскной деятельности, вопроса получения сведений от информаторов – конфиденентов. Предлагается редакция ч. 4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, расширяющая охват данного состава по объективной и субъективной стороне. Сделан вывод о приоритете содержания над формой результатов оперативно-разыскной деятельности с учетом позиции Верховного суда Российской Федерации по некоторым уголовным делам.

Ключевые слова:

доказывание, состав преступления, объект, объективная сторона, статья, результат, преступление, форма, фальсификация, результаты оперативно-разыскной деятельности, конфиденент.

Summary:

The falsification of investigative activities results is a relevant issue due to its recent identification as a special element of crime stipulated in Part 4 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study defines the main problems of the elements of crime under review demonstrating its wide opportunities for optimizing the legislation. The range of problems includes the literal interpretation of the concept of falsification, understanding the criminal intent, its correlation with other elements of crime, the ratio between form and contents of investigative activities results obtained, getting information from confident informants. The author proposes the revision of Part 4 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation extending its scope according to objective and subjective aspects. It is concluded that the contents have the priority over the form of investigative activities in line with the attitude of the Supreme Court of the Russian Federation towards certain criminal investigations.

Keywords:

proving, elements of crime, target, objective aspect, article, result, crime, form, falsification, investigative activities results, confident.

Исторически сложилось, что каждое государство формировало уголовно-правовую охрану истинности судопроизводства, вводя ответственность за ложный донос, лжесвидетельство, манипуляции с доказательствами и иные покушения на правосудие [1, р. 7]. В статье будет рассматриваться самое «молодое» преступление против правосудия – фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности (ОРД). Оно актуально тем, что при его совершении могут быть существенно нарушены права потерпевшего. Такими примерами могут считаться последствие фальсификации в виде заключения под стражу, а также последующее вынесение обвинительного приговора [2, с. 61].

Изучение состава фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности позволило выявить ряд правовых проблем.

1. Буквальное толкование ч. 4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) лишает возможности привлечь к уголовной ответственности по указанной статье при фальсификации результатов ОРД **в целях защиты от уголовного преследования** лица без учета доказательств вины, оснований для подозрения. Получается, по мнению законодателя, **фальсификация результатов ОРД квалифицируется по ч. 4 ст. 303 УК РФ только при непричастности к совершению преступления**. На такое упущение также указывается в юридической литературе [3, с. 195–196; 4, с. 114]. В ином случае квалификация наступает по общей норме – ст. 286 УК РФ, но это исключает целесообразность выделения фальсификации результатов ОРД в самостоятельный состав преступления.

Кроме того, может возникнуть ситуация умышленного **уничтожения** результатов ОРД, способствующих **оправданию**, для задачи обвинения человека, непричастного к преступлению или по мотиву причинения нематериального вреда. Желание упустить из виду те результаты ОРД, которые способствуют оправданию, возникает не только из-за «палочной» системы, но и из-за

отнесения оперативником себя исключительно к стороне обвинения, основываясь на ст. 15, п. 47 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Тем не менее можно обоснованно предположить, что умышленное уничтожение и даже игнорирование любых результатов ОРД с целью добиться обвинительного или оправдательного приговора имеет тоже большую общественную опасность и должно быть криминализировано.

Обе описанные ситуации указывают на ресурс оптимизации ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Оптимальная редакция ч. 4 ст. 303 УК РФ, охватывающая все возможные цели фальсификации, может звучать следующим образом: «Фальсификация **или уничтожение** результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, **в целях увода от уголовного преследования** либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации...».

Из предложенной редакции ч. 4 ст. 303 УК РФ убраны слова «заведомо не причастного к совершению преступления» по причине проблематичного определения понятия причастности к преступлению в отсутствие приговора суда, вступившего в законную силу. По справедливому замечанию С.В. Пархоменко и А.А. Радченко, «в силу презумпции невиновности причастность или непричастность субъекта к преступлению может быть установлена только судом. В такой ситуации в ходе ОРД, осуществляемой, как правило, в условиях высокой степени вероятности и неочевидности совершения преступления, **сделать выводы о непричастности субъекта к некоему преступлению крайне проблематично** и тем более доказать, что оперативный сотрудник достоверно знал, что лицо, в отношении которого он фальсифицирует результаты оперативно-разыскной деятельности, безусловно непричастно к совершению преступления» [5, с. 32].

2. Для более полного исследования фальсификации результатов ОРД необходимо рассмотреть вопрос о том, что фальсифицируется – форма или содержание.

В силу п. 17 Инструкции [6] допускается работа с материалами, документацией и другими предметами, полученными при совершении оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ), в копиях и даже их представление частично (отрывки записи диалога, например) на единый носитель информации, о чем указывается в рапорте и на записи речи. Такой набор результатов оперативно-разыскной деятельности не является фальсификацией информации, полученной в ходе проведения ОРМ [7].

Можно обоснованно присоединиться к мнению Ю.Б. Чупилкина, который писал, что «к документированию сделанных оперативно-разыскных мероприятий нет явных требований со стороны закона» [8]. В свою очередь Ю.П. Гармаев и А.А. Обухов, работая с практикой документирования итогов оперативного эксперимента во многих регионах Российской Федерации, отметили, что оперативники разных субъектов для протоколирования оперативных экспериментов оформляют по меньшей мере 14 разных справок. Почти все «местные» формы документов отличаются от иных наименованием, структурой, составом участников, своей внутриведомственной оригинальностью работы по каждому ОРМ [9, с. 139]. Так, проверочную закупку в одних ситуациях оформляют как акт [10], в иных – протоколируют [11].

Допустимо привести в качестве примера приговор Дмитровградского городского суда Ульяновской области от 3 мая 2012 г., в котором фальсификация результатов ОРМ определяется как превышение должностными лицами своих полномочий путем предоставления средств, устранения препятствий, сокрытия преступников, средств совершения преступления и следов преступления [12]. Как видим, объективная сторона **раскрывается через содержание (действия, сведения), а не через форму документов**. В указанном приговоре раскрывается объективная сторона деяния одного из подсудимых как внесение ложных сведений в материалы дела о причастности потерпевших к наркоторговле. В приговоре приводится перечень сфальсифицированных документов с указанием о внесении заведомо ложных сведений (фальсификация содержания) и без указания в приговоре о фальсификации формы документов.

Следует обратить внимание на более важный момент соотношения формы и содержания результатов ОРД. Он состоит в том, что результаты ОРД не имеют самостоятельного значения без их процессуального закрепления и оформления в доказательство. Именно поэтому так важно их содержание, а требования к их форме не находят строгой регламентации. Полученная гласными или негласными методами оперативная информация, материалы, предметы и документы как доказательства в суде не используются, поскольку не отвечают критерию допустимости доказательств (п. 1 ст. 88 УПК РФ), «основной составляющей которого является точность представления полученной информации» [13, с. 100]. В соответствии с позицией Верховного суда [14], материалы ОРМ должны быть применены как доказательственная база по материалам, когда они прошли следственную оценку на соответствие УПК РФ, что означает их процедурное оформление.

Согласно разъяснению Конституционного суда Российской Федерации, сами по себе документы ОРМ «суть не доказательство, а свод информации о происхождении фактов, которые добыты с соблюдением правил ФЗ “Об ОРД” и должны быть приняты в процесс доказывания только после оформления в соответствии с нормами УПК РФ» [15].

На основании того, что «факты, введенные в работу оперативным сотрудником, не приравниваются к доказательствам в уголовно-процессуальном смысле этого слова», а преобразуются, входя в уголовное судопроизводство через процессуальное закрепление, Е.А. Доля приходит к выводу о необязательности формы для ОРМ [16, с. 228]. Следует добавить, что фактические данные, полученные в ходе ОРМ, не могут изменяться, но меняется их форма при формировании из них доказательств в ходе следственных действий.

Вышеуказанное позволяет сделать вывод о меньшем значении формы результатов ОРД по сравнению с формой доказательств. При этом специфика ОРД, широкие возможности скрыть деятельность посредством защиты сведений, обязательное сохранение результатов ОРД посредством следственных действий наталкивают на мысль о невозможности фальсификации формы результатов ОРД. Ю.Б. Чупилкин указывает на пример, в котором правоприменитель не придал должного значения форме оперативного эксперимента, а ориентировался лишь на полученную аудиовидеозапись: «по материалам дела № 2010529814, в котором Ч.М.В. был обвинен в совершении преступления – ч. 3 ст. 290 УК РФ, сделана аудиовидеофиксация оперативного эксперимента. В акте оперативного эксперимента не было сведений о имеющейся аудиовидеозаписи, в деле также не имеются данные о том, что потерпевшей стороне были вручены какие-нибудь технические устройства для аудиовидеофиксации ОРМ “оперативный эксперимент”. Адвокатом много раз приобщалось к делу прошение о признании аудиовидеозаписи ОРМ “оперативный эксперимент” недопустимым доказательством по делу. Но следователем и судом несколько раз было отказано в признании ходатайства обоснованным» [17].

Перечисленные 14 возможных ОРМ (ст. 6 Закона «Об ОРД») затруднительны для фальсификации формы. Например, свидетель обязан говорить только истину, отказаться можно только в случае дачи показаний в отношении близких родственников. Поэтому в протоколе допроса важны не только сведения, но и подпись свидетеля, чтобы удостоверить его личность в дальнейшем. Что же касается такого ОРМ, как опрос, то ценные данные, которые в нем содержатся, войдут в орбиту уголовного процесса только после допроса данного свидетеля, т. е., по сути, одно действие, но разный статус. Более того, при отказе от дачи информации при опросе или сообщении ложных сведений ответственность не предусмотрена. Значит, и подпись опрашиваемого лица не имеет такого правового значения. Письменная форма опроса не регламентирована в отличие от допроса, поэтому будет являться инициативой самого оперативника для удобства. Указанное позволяет сделать вывод о бесполезности подделки подписи опрашиваемого лица.

Также трудно представить подделку формы таких ОРМ, как проверочная закупка, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент.

На наш взгляд, подделка формы в ОРД в целом может иметь место только в случае фальсификации решений судов или разрешений руководителей при ОРМ судебного и ведомственного санкционирования. Но указанная возможность фальсификации не является фальсификацией самих результатов ОРД.

В некоторых случаях обвиняемого оправдывают, ссылаясь на то, что фальсификация формы документов не образует состав преступления, если это не повлияло на исход дела в целом. Это также подтверждает приоритет значения формы над содержанием. Приведем примеры фальсификации доказательств, которые применимы при изучении состава, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Так, следователь С., собирая доказательства по уголовному делу о причинении тяжкого вреда здоровью, составил протоколы допроса свидетелей и потерпевшего, не проводя допрос, направил их участковому, который направился к свидетелям и потерпевшему и собрал их подписи.

В ходе судебного следствия С. пояснил, что реально провел допрос потерпевшего и свидетелей. Однако эти протоколы были испорчены пролитым кофе, поэтому он перепечатал текст на новые протоколы, а участкового отправил дополнить их подлинными подписями. Позиция С. в судебном заседании нашла опору на другие доказательства. В суде большинство согласилось, что С. провел допрос. Почерковедческая экспертиза рукописи «с моих слов записано верно», «мною прочитано» и подписи признала их принадлежащими свидетелям и потерпевшему. При таком раскладе позиция нижестоящей инстанции о справедливости оправдательного приговора была подтверждена Верховным судом РФ [18].

Н.В. Девятериков тоже был оправдан по подозрению в совершении деяния по ч. 2 ст. 303 УК РФ. Прокурор доказывал, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ, относится к формальным составам. Он также ссылался на постановление президиума Омского областного суда от 2 августа 2005 г., согласно которому направление в суд сфальсифицированных доказательств само по себе опасно и невозможно признавать такие действия малозначительными.

Верховный суд пояснил, что составление Девятериковым такого протокола не могло повлиять на исход дела в совокупности с материалами, указывающими обратное. Это позволило говорить об отсутствии общественной опасности деяния, что дает повод признать его малозначительным.

Верховный суд выбрал правовую позицию, что сам по себе факт того, что преступление, предусмотренное ст. 303 УК РФ, относится к формальным составам преступлений, не лишает права квалифицировать его как малозначительное [19].

Тем не менее есть противоположная позиция Верховного суда РФ. Так, В.В. Сидорова составила протокол допроса свидетеля с неточными сведениями. Ее адвокат указывал, что суд ошибочно вынес приговор о признании виновной в совершении преступления, предусмотренного по ч. 2 ст. 303 УК РФ. Так, был проведен повторный допрос свидетеля без расхождения с результатами первого. Тем не менее Верховный суд квалифицировал состав ч. 2 ст. 303 УК РФ как **формальный**, поскольку, согласно п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, протоколы следственных действий относятся к отдельному виду доказательств [20].

В ином случае Верховный суд РФ 18 августа 2010 г. отменил оправдательный приговор Иркутского областного суда от 28 апреля 2010 г. в отношении Ж., которому вменялось преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 303 УК РФ. В отношении Ж. был рассмотрен вопрос, поскольку он указал ложные сведения об участии в деяниях, которых вообще не было. Суд первой инстанции разграничил случаи фальсификации доказательств и нарушения порядка их получения, указав, что в рассматриваемом деле имело место второе, что исключает состав преступления. Составление протоколов при таких обстоятельствах исключает общественную опасность. Судебная коллегия Верховного суда РФ решение Иркутского областного суда отменила, считая, что наличие в протоколе любых ложных сведений делает его сфальсифицированным. Уголовное дело было передано на повторное рассмотрение [21]. При новом рассмотрении по делу вынесен обвинительный приговор [22].

Несмотря на противоположную позицию определений Верховного суда РФ, однозначно считаем необходимым присоединиться к позиции о формальности рассматриваемого состава, во всяком случае в отсутствие постановления Пленума Верховного суда РФ, в котором однозначно говорилось бы иное. Если оценивать каждый случай фальсификации в зависимости от последствий, как в случае с Н.В. Девятериковым, практика станет еще более неоднозначной, и уголовная санкция начнет утрачивать предупреждающее действие в условиях потенциально высоколатентного преступления.

3. Нет мер прокурорского надзора за получением санкционирования на проведение ОРМ, лишаящих базовых гражданских прав, поскольку судье предоставляются справки о преступном промысле лиц, а «Закон об оперативно-разыскной деятельности не сделал прокурора субъектом проверки прошений на проведение мероприятий судебного санкционирования» [23, с. 108]. В таком случае стоит согласиться с мнением А.В. Колесникова, что «разрешение прокурором соответствующих ходатайств поможет судебному контролю устранять нарушения законодательства об оперативно-разыскной деятельности на ранней стадии, так как в суд будут поступать документы, дополнительно прошедшие через прокурорский надзор» [24, с. 75].

4. Нерешенной остается проблема проверки достоверности информации, предоставляемой лицами, сотрудничающими с оперативниками негласно. Сведения о таких лицах относятся к государственной тайне [25] и подлежат рассекречиванию руководителем оперативного подразделения. Кроме того, в соответствии со ст. 12 Закона об оперативно-разыскной деятельности, огласить сведения можно только с их письменного согласия. Обыск, выбор мер пресечения и др. принимаются с помощью показаний таких лиц в стадии предварительного расследования. Раскрытие их данных допустимо только на судебной стадии, поскольку право на такое заявление закреплено в ч. 6 ст. 278 УПК РФ. Обезличенные показания и даже самого конфиденента легче фальсифицировать, что говорит о потенциальной высокой латентности такого преступления.

А.В. Чуркин приводит примеры существования такой проблемы в европейских странах: «В 1989 г. по делу “Костовски (Kostovski) против Нидерландов” ЕСПЧ указал такую позицию: “Анонимные источники могут быть приняты на этапе расследования, но использовать их для осуждения запрещено ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод”. Схожий случай произошел в 1993 г. по делу “Саиди (Saidi) против Франции”, когда обвинительный приговор строился только на двух анонимных свидетелях. ЕСПЧ по делу Саиди напомнил о положениях п. 1 и 3 (d) ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В 1990 г. в деле “Дельта (Delta) против Франции” ЕСПЧ сослался на те же нормы Европейской конвенции, когда понял, что обвинение строилось на слухах» [26].

После таких прецедентов показания скрытых свидетелей принимались только в совокупности с другими доказательствами. Председатель ЕСПЧ Л. Вильдхабер сообщает в связи с делом «Дорсон (Doogson) против Нидерландов» (1996): «Обвинение строилось только на показаниях двух свидетелей, личная информация о которых не разглашалась по соображениям безопасности» [27, с. 15].

Но некоторые придерживаются правовой позиции о большем доверии результатам ОРД, считая, что достаточно показаний на допросе оперуполномоченного, непосредственно работавшего с лицами, конфиденциально работающими с оперативниками, в том числе путем внедрения в организованную преступную группировку [28, с. 65]. На допустимость «принятия результатов ОРД не от первоисточников, а от источников, вызывающих доверие» указывает и И.В. Грибов [29, с. 176]. Но в таком случае фактически показания конфидендента подменяются показаниями оперативного сотрудника, и такая правовая позиция противоречит ст. 157 УПК РФ, устанавливающей требование непосредственности исследования доказательств.

Поскольку на добросовестность суда можно положиться, то проблемы непосредственного исследования личных данных конфидендента не имеется. Это исключает возможность придумать наличие такого человека и информацию, которую он якобы сказал.

Что касается остальных участников процесса, то нужно избирательно подходить к вопросу об удовлетворении ходатайства об ознакомлении с такими данными в порядке ч. 6 ст. 278 УПК РФ, допрашивая самого конфидендента (без оглашения данных) и оперативного сотрудника, непосредственно с ним работавшего. Законодателю необходимо выделить критерии оценки необходимости рассекретить данные стороне.

Распространен подход об оставлении заявления об ознакомлении с такими материалами без удовлетворения: кассационным определением Верховного суда РФ от 29 февраля 2012 г. № 11-О12-8 Судебная коллегия отвергла доводы о незаконности применения в процессе доказания показаний конфиденциального свидетеля Ш. Коллегия указала, что право допроса свидетеля в отсутствие подлинных данных о его личности и зрительного контакта с ним прямо предусмотрено ч. 5 и 6 ст. 278 УПК РФ. Показания, изложенные свидетелем Ш. на суде, подтверждают другие доказательства, что послужило основанием их принятия. Схожий вывод имеется в кассационном определении Верховного суда РФ от 16 февраля 2012 г. № 56-О12-2СП.

Полностью исключить возможность допроса негласно сотрудничающих лиц нельзя в силу требований ст. 157 УПК РФ. Полагаем, что полные данные о таком оперативном сотруднике восполнят отсутствие сведений о непосредственном источнике. В таком случае показания должны проверяться с большей осмотрительностью и приниматься только в совокупности с иными доказательствами, о чем указывал ЕСПЧ.

Ссылки и примечания:

1. Little A. Defining a Signature for Deception in Court Testimony : master's thesis. Kingston, Ontario, 2007. P. 7.
2. Тепляшин П.В. Преступления против правосудия : учеб. пособие. Красноярск, 2004. 160 с.
3. Байрамкулов А.М. Уголовная ответственность сотрудников органов внутренних дел за преступления, совершаемые при исполнении служебных обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 254 с.
4. Радионов Г.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 202 с.
5. Пархоменко С.В., Радченко А.А. Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности : учеб. пособие. Иркутск, 2016. 71 с.
6. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс] : приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сент. 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Цветков Ю.А. Вопросы объективной стороны фальсификации доказательств // Уголовное право. 2016. № 6. С. 90–97.
8. Чупилкин Ю.Б. Уголовно-процессуальные требования, предъявляемые к оперативно-разыскной форме результатов ОРД // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 54–56.
9. Гармаев Ю.П., Обухов А.А. Квалификация и расследование взяточничества : учеб.-практ. пособие. М., 2012. 304 с.
10. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации по уголовному делу от 24 дек. 2009 г. № 11-009-137 в отношении Сидоровой [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 17 сент. 2013 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 27 июля 2006 г. № 58-006-33 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Приговор от 3 мая 2012 г. Димитровградского городского суда Ульяновской области [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/мыркх37ujOr4/> (дата обращения: 05.05.2018).
13. Шейфер С.А. Доказательственные аспекты Закона об оперативно-разыскной деятельности // Государство и право. 1994. № 1. С. 94–101.
14. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 31 окт. 1995 г. № 8 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-31101995/> (дата обращения: 18.05.2018).
15. Определение Конституционного суда РФ от 4 февр. 1999 г. «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности»» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
16. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-разыскной деятельности. М., 2009. 353 с.
17. Чупилкин Ю.Б. Указ. соч.

18. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации по уголовному делу от 24 дек. 2009 г. № 11-009-137 в отношении Сидоровой.
19. Кассационные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 27 июля 2006 г. № 58-006-33 и от 14 сент. 2010 г. № 46-О10-54 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по уголовному делу от 18 авг. 2010 г. № 66-О10-115 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/vsrfdoc/BVJnO6ZkIXm8/> (дата обращения: 05.05.2018).
21. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 5 апр. 2006 г. по делу Девятерикова № 50-006-1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по уголовному делу от 28 июля 2011 г. № 66-О11-97 [Электронный ресурс] // Договор-Юрист.Ру. URL: https://dogovor-urist.ru/судебная_практика/дело/66-о11-97/ (дата обращения: 05.05.2018).
23. Шобухин В.Ю. Правовой статус прокуратуры и прокурорских работников Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 239 с.
24. Колесников А.В. Прокурорский надзор за исполнением законов при использовании результатов оперативно-разыскной деятельности в расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 216 с.
25. Согласно ст. 12 ФЗ от 12 авг. 1995 г. № 144 (ред. от 6 июля 2016 г.) «Об оперативно-разыскной деятельности», ст. 5 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 26 июля 2017 г.) «О государственной тайне», п. 86 Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне (утв. Указом Президента РФ от 30 нояб. 1995 г. № 1203).
26. Чуркин А.В. Вопросы защиты в судебной практике сведений об органах, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и обеспечения безопасности ее участников // Комментарий судебной практики. Вып. 10 / под ред. К.Б. Ярошенко. М., 2004. С. 225–236.
27. Вильдхабер Л. Прецедент в Европейском суде по правам человека // Государство и право. 2001. № 12. С. 5–17.
28. Колесников А.В. Указ. соч. С. 65.
29. Грибов И.В. Доказывание как способ разрешения противоречий уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 232 с.